

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ СНАЧАЛА-ЗНАНИЯ И РЕЛАЙАБИЛИЗМ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ КРИСТОФА КЕЛПА

В статье рассматривается предложенный Кристофом Келпом проект эпистемологии, который сочетает в себе подходы сначала-знания Тимоти Уильямсона и релейабиллизма добродетелей Эрнеста Сосы. Приводятся аргументы в пользу позиции, согласно которой теория компетенций Келпа является вполне продуктивной и в существенной степени самостоятельной эпистемологической концепцией. Она позволяет нам строить специальные эпистемологии и анализировать компетентность нечеловеческих акторов.

Ключевые слова: эпистемология сначала-знания, эпистемология добродетелей, релейабиллизм, Кристоф Келп, теория компетенций.

1. Будущее эпистемологии. Являясь одной из наиболее активно развивающихся за последние полвека областей философии, эпистемология сегодня способна предложить множество исследовательских программ и теоретических подходов к решениям фундаментальных проблем и практических задач познания. Наследие эпистемологии включает в себя множество подходов, связанных с именами знаменитых философов (Платон, Аристотель, представители античного скептицизма, Декарт, Локк, Кант и другие яркие фигуры)¹. Однако современные эпистемологические теории тоже не стоят на месте, они так же способны предоставить широкие основания для различных форм эпистемологического исследования. В своих рассуждениях о прошлом, настоящем и будущем эпистемологии Стивен Хезерингтон не так давно, всего лишь десять лет назад, достаточно прозорливо обозначил наиболее важные направления ее будущего развития. В статье *Epistemology's Future Here and Now* [3] он говорит о пяти ключевых идеях: (1) идее надлежащей функции как развития релейабиллистской идеи эпистемической надежности; (2) идее эпистемологии добродетели; (3) идее связи между практиками и эпистемическими феноменами (например, знанием); (4) идее контекстуализма; (5) идее эпистемологии сначала-знания².

Среди перечисленных идей сразу же бросаются в глаза две исследовательские программы, которые на деле так или иначе взаимодействуют с остальными перечисленными идеями — эпистемология сначала-знания и эпистемология добродетелей, которые, при желании, можно противопоставить друг другу в ряде аспектов. Эпистемология сначала-знания ассоциируется с Тимоти Уильямсоном и его исследовательскими интересами, которые тяготеют к поискам решений фундаментальных теоретических вопросов, нередко посредством обращения к формализации и эпистемической логике. В противовес этому в эпистемологии добродетелей больше чувствуется дух парламентаризма как в плане авторитетов, так и спектра рассматриваемых тематик, а формализация у теоретиков интеллектуаль-

ных добродетелей встречается куда реже. Несмотря на возможность такого противопоставления, в целом сторонники обоих подходов активно обсуждают отдельные вопросы и обмениваются идеями.

И, поскольку современная эпистемология предоставляет невероятно широкий спектр актуально действующих исследовательских программ, кажется вполне закономерным решение взять лучшее от нескольких подходов, совместив их в форме своего рода гибридной эпистемологии. Несомненно, можно найти немало примеров таких подходов, но, на наш взгляд, особенно интересен пример гибридной эпистемологии Кристофа Келпа, которая, с одной стороны, предлагает самостоятельно значимую теорию компетенций, а с другой стороны, позволяет лучше понять перспективы эпистемологической гибридной в целом.

2. Релейабиллизм добродетелей Келпа. Свой гибридный подход Келп называет сначала-знание релейабиллизмом добродетелей (*knowledge first virtue reliabilism*)³ [5, p. 65–81] или, в более ранней и широкой формулировке — сначала-знание эпистемологией добродетелей (*knowledge first virtue epistemology*) [6]. Здесь сочетаются две экстерналистские⁴ эпистемологические теории — эпистемология сначала-знания и релейабиллизм добродетелей.

Обозначим сразу же явные точки, позволяющие сблизить эти подходы. Поскольку для Уильямсона знание является наиболее общим ментальным состоянием, то вполне ясна его связь с надежностью когнитивного процесса и, следовательно, с любыми вариациями релейабиллистских подходов к эпистемологии. Прямое сходство сначала-знания и релейабиллизма добродетели состоит в представлении о связи знания (эпистемических феноменов) с действиями. Так, для сравнения Келп пишет о том, что, согласно самой обсуждаемой версии релейабиллизма добродетели, эпистемическая нормативность — это вид более общей перформативной нормативности (*performance normativity*) [5, p. xvii]. Уильямсон же проводит аналогию между знанием и интенциональным действием; он указывает, что

условия обладания знанием сильно коррелируют с условиями совершения (perform) определенно-го действия, а само знание играет серьезную роль в причинных объяснениях наших действий [7, р. 8, 88]. Не лишним будет также отметить и то, что визитной карточкой релейабиллизма добродетелей стала аналогия Эрнеста Сосы, где успех в достижении знания уподобляется успеху лучника, попадающего в цель [8, р. 4]. Собственно, подход Сосы и есть 'самая обсуждаемая версия релейабиллизма добродетели', на которую ориентируется Келп, ведь для него убеждение — это вид действия (performance), способного достигать различных уровней успеха [8, р. 1, 43–46].

Однако стоит заметить, что в своей статье *How To Be a Reliabilist*, предшествовавшей книге, Келп указывал, что рассматривает эпистемологию добродетели как способ разрешения классических проблем процессуального релейабиллизма. На наш взгляд, наиболее характерной является его фраза о том, что добродетели нужны для того, чтобы иметь возможность использовать надежные когнитивные процессы по существу [9, р. 347]. В других же аспектах его близость эпистемологии добродетелей выражается в том, что он не концентрируется вокруг вопросов дефиниции знания или решения случаев Геттиера, вместо этого самым важным признается вопрос хорошего мышления. Тем не менее нельзя не заметить, что при этом фундамент его подхода — это посылка эпистемологии сначала-знания и теория компетенций (интеллектуальной добродетели и обоснованного убеждения).

Для Келпа мышление — это процесс формирования убеждений, в которых мы 'застреваем', поскольку прекращение формирования убеждений не избавляет нас от уже сформированных (авторский пример состоит в том, что убеждения, сформированные посредством зрения, не исчезают, когда мы закрываем глаза, — в этом случае мы лишь не формируем какое-то время новых убеждений). И даже если мышление в целом затрагивает не только вопросы об убеждениях, то вопрос о хорошем мышлении, пусть и не сводится, однако сильно зависит от стандартов обоснованного убеждения. Сами же убеждения понимаются как основание для действий, что несколько отличает позицию сначала-знание релейабиллизма добродетелей от вышеизложенной позиций теоретических прагматиков.

Для Келпа успешное действие в большей степени возможно, если оно совершается исходя из верных убеждений или хорошего мышления. Любое же осмысленное действие в таком контексте так или иначе совершается исходя из убеждений. По этой причине эпистемология и хорошее мышление имеют практическое значение. Келп приводит такого рода пример, проясняющий связь хороших (плохих) убеждений с успешными (неуспешными) действиями: допустим, что вы недавно переехали в Шотландию и по недоразумению убеждены, что столица Шотландии — Глазго; вам нужно зарегистрироваться в консульстве в столице; исходя из плохого убеждения, вы тратите время и деньги на то, чтобы добраться в Глазго, а не в Эдинбург, а ваше целевое действие (зарегистрироваться в консульстве) оказывается неуспешно [5, xiii]. Несомненно, этот пример Келпа очень сильно перекликается с рассказом Сократа о путешествии в город Лариса и Дедаловых статуях, которое можно найти в *Меноне* [10]. Там рассматривается вопрос,

чем отличается знание о том, как добраться до этого города, от просто правильного предположения? Интересно здесь то, что Сократ связывает хорошее мышление с хорошими и правильными действиями, а также отстаивает своего рода эпистемический градуализм⁵, когда говорит, что как знание, так и истинное мнение ведут к правильным действиям, но 'устойчивость' и 'связанность' делают знание более предпочтительным. Сам же пример можно понять таким образом, что плохие убеждения попросту мешают совершать целевые действия, а до города Лариса по случаю можно прийти и случайно, однако знание маршрута, карта или хорошие предположения более надежны.

В целом, общий методологический каркас теории Келпа существенным образом наследует дух релейабиллизма добродетелей, а поэтому имеет место ориентированность на практику, ведь главные категории его эпистемологии — это хорошее (обоснованное) убеждение и успешное действие, где одно имеет значение в связке с другим. Собственно, добродетель — это познавательная способность, которая связывает эти категории. Но, в отличие от обычного релейабиллизма добродетели, эпистемическая добродетель для Келпа раскрывается не через способность к формированию истинного мнения, а через способность знать.

При сравнении своего проекта с другими версиями релейабиллизма Келп подчеркивает, что его идея имеет определенные преимущества: она позволяет избежать больше случаев Геттиера, дилемму безопасности, проблему нового злого демона, контраргумент ясновидения и парадокс лотереи. Соответственно, сначала-знание релейабиллизм добродетелей легитимизируется перед эпистемологами, как способ решить вышеобозначенные проблемы, но в более широком смысле Келп предлагает комплексную теорию анализа связи успешности актов и действий с качеством убеждений действующего субъекта.

Выбор знания как базового эпистемического концепта открывает для Келпа интересную опцию. Так, в редуцитивном анализе знания как формы мнения, обоснование, как правило, входит в структуру знания — в число необходимых и достаточных условий, чтобы его достигнуть. В такой оптике теория обоснованного убеждения представляет собой часть теории знания. Отсюда следует представление о том, что знание всегда предпочтительней обоснованного убеждения. Более того, чтобы такой анализ не получался круговым, концепт обоснования не должен объясняться через знание, что может пониматься как контринтуитивное ограничение, поскольку в обычной жизни знание и апелляция к нему — это отличный способ демонстрации обоснованности своей позиции.

Чтобы это прояснить, рассмотрим такой пример. Проснувшись утром в наглухо зашторенной комнате, я смотрю время на телефоне и составляю *обоснованное убеждение* о том, что на улице светло, поскольку *знаю*, что сейчас двенадцать часов дня. Подобную вполне ординарную ситуацию при редуцитивном анализе знания придется переосмыслить так, чтобы слово 'знаю' не участвовало в объяснение того, как обоснованно мое мнение. Допустим, ситуация может быть проинтерпретирована так: исходя из предположения здравого смысла о том, что мой телефон нормально функционирует и правильно показывает время и в двенадцать часов обычно светло, я обосновываю своё убеждение, что

на улице светло, процедурой разумного рассуждения. Звучит неплохо, но контринтуитивность такого описания состоит в том, что это теоретическая реконструкция, в рамках которой фактическая обоснованность просто переописывается необходимым образом. Соответственно, преимущество эпистемологии сначала-знания Уильямсона состоит хотя бы в том, что подобная ординарная ситуация может быть принята с более экономным описанием, без реинтерпретации и дополнения фактически произошедшего. Иначе говоря, сначала-знание дает простой язык описания для простых ситуаций, не лишая нас сложного языка для сложных случаев.

Итак, выше мы установили, что в рамках своего проекта сначала-знание релайабилитета добродетелей Келп формулирует и нормативный стандарт обоснованного убеждения, и нормативный стандарт знания. Разберемся последовательно, что они собой представляют и как между собой связаны.

3. Теория компетенций или обоснованного убеждения. В первую очередь рассмотрим, как в сначала-знание релайабилитета добродетелей формулируется *норма обоснованного убеждения*. Согласно Келпу, субъект обоснованно убежден в P , только и только если компетентно убежден в P . То есть обоснованное убеждение — это *компетентное убеждение* [3, р. 68]. Стоит сразу заметить, что компетенции в данном случае — это и есть эпистемические добродетели. Фактически под эгидой эпистемологии добродетелей Келп здесь проводит тройное отождествление: сначала добродетели с компетенцией, а после и с обоснованным убеждением.

Компетентное убеждение понимается следующим образом: субъект компетентно убежден в P , только и только если убеждение сформировано проявлением (exercise) способности знать пропозицию в области R относительно условий C , где P принадлежит области R ($P \in R$).

Но что значит *проявлять способность*? Субъект проявляет способность A знать пропозицию в области R относительно условий C , только и только если обладает (умеет) A и формирует убеждения согласно способу формирования убеждений, который предполагается A .

Чем же тогда является *способность A знать пропозицию*? Субъект знает пропозицию в области R относительно условий C , только если имеет основательный (grounded) способ формирования убеждений W (т.е. систематический способ вывода убеждений из имеющихся данных); используя W в условиях C , субъект формирует осведомленные убеждения, которые квалифицируются как знание (knowledgeable belief), относительно каждой пропозиции P , принадлежащего области R ($P \in R$).

Таким образом, чтобы быть обоснованно убежденным или компетентным с точки зрения сначала-знание релайабилитета добродетели, необходимо выполнение следующего комплексного условия: *субъект компетентно убежден, если он формирует убеждение тем способом, который подразумевает надежной способностью, позволяющей в имеющихся условиях формировать убеждения относительно конкретной предметной области, а сами эти убеждения квалифицируются как знание*. Например, чтобы быть компетентно убежденным в том, как добраться до города Лариса или столицы Шотландии, исходя из вышеприведенного анализа, необходимо совершить следующие познавательные действия: (1) для начала стоит определиться с пред-

метной областью, коей в данном случае оказывается всё, что касается маршрутов для перемещения из одной географической точки в другую; (2) далее нам нужно найти надёжную способность, исходя из имеющихся условий. Если мы имеем в виду самую обыденную ситуацию, то такой способностью оказывается чтение карты, если в текущих условиях карта нам доступна; (3) читая карту, мы формируем убеждения о том, как добраться в искомый город и, если наши убеждения квалифицируются как знание, то мы компетентны. На этом этапе стоит вернуться к сократовскому градуализму (и в известном смысле модифицировать идею Хезерингтона), поскольку убеждение может в *разной степени* квалифицироваться как знание (с разной степенью ясности демонстрировать знания). Исходя из этого мы можем говорить и о разной степени компетенций. Так, обычный человек, читающий карту, может обладать некоторой степенью компетенции в вопросе о том, как попасть в искомый город, тогда как кто-то другой, обладающий серьезными фоновыми познаниями в области географии и топологии, может судить более компетентно, предложить лучший и более оптимальный маршрут, поскольку он обладает большим спектром (более) надёжных способностей. Интересно обратить внимание и на то, что обычный человек может, скажем так, делегировать процесс формирования убеждения алгоритму приложения, которое работает с данными географической карты. И здесь возникает вопрос, можно ли в таком случае говорить о компетенции нечеловеческого актора?

4. Понимание и компетенции нечеловеческих акторов. На данном этапе идея Келпа представляет собой экстерналистскую теорию компетенций — это значит, что компетентность субъекта зависит не только от персонального проявления или изучения способности (что является интерналистским аспектом), но и от того, насколько способность в объективном смысле позволяет на основе релевантных данных формировать убеждения, которые ведут к успешным действиям. В этой связи возникает интересное следствие, компетенции в таком смысле — это также компетенции программы принимать и отбирать релевантные данные, давать релевантное решение (например, компетенции программы по решениям квадратных уравнений распознавать квадратные уравнения и решать их). Разница, пожалуй, лишь в том, что мы считаем, что человек обладает значительно более широкими возможностями к изменению, ревизии, оценке и пересмотру алгоритмов познания и действий.

В таком виде теория компетенций Келпа сочетается даже с концепцией знания без субъекта познания Карла Поппера [12]. В пользу этого говорит следующее: во-первых, субъект в случае теории компетенции Келпа — это по большей степени просто пользователь познавательной способности (актор), следовательно, это не значит, что субъектом не может быть животное или технический актор; во-вторых, 'убежденность в P ' может тогда пониматься как принятие/непринятие P в функционалистском духе, что значит осуществление некоторой функции актора по отношению к явлению внешнего мира, которая не обязательно должна сопровождаться опытом феноменального сознания (он может быть ассоциирован с убежденностью в обычном смысле) [13, с. 53–68]. Собственно, мысль о возможности компетенции без понимания можно найти у Дэниела Деннета [14, с. 149,

273—274]. Проект же Келпа в целом не задействует концепт понимания, однако, как нам видится, понимание может быть либо способом процесса формирования убеждения, либо частью такого процесса. Согласно Линде Загзебски, понимание представляет собой состояние постижения непропозициональных структур реальности [15, р. 242]. И, на наш взгляд, нет никаких препятствий к тому, чтобы рассматривать понимание как когнитивный контакт с непропозициональными структурами действительности. Если вернуться к примеру с чтением карты, то можно отметить, что часть причин, почему профессиональный топограф лучше может построить путь до искомого города, состоит в том, что он лучше понимает особенности предметной области, то есть ему присуща такая степень когнитивного контакта с ней, когда он схватывает вещи, которые трудно выразить пропозиционально. В качестве хорошей иллюстрации процесса формирования убеждений, явно связанного с пониманием в вышеизложенном смысле, можно назвать профессиональную интуицию.

И вот теперь можно сформулировать идею Келпа как *норму компетенции (обоснованного убеждения) нечеловеческого актора*: актер компетентно осуществляет функцию, если эта функция реализуется тем способом, который подразумевается надежным алгоритмом, позволяющим в имеющихся условиях осуществлять функцию относительно конкретной предметной области, которая квалифицируется как знание в смысле попперианского третьего мира. Например, если мы говорим о машине Тьюринга, то знанием в попперианском смысле будут отчеты о её состояниях. Здесь же стоит заметить, что теория компетенций Келпа в отрыве от дальнейшего сочетания с эпистемологией сначала-знания совместима с фаллибилистским стандартом знания — то есть, на текущем уровне компетенции совместимы с ошибкой. Например, вычислительная функция машины может считаться надежной и компетентной, даже если относительно некоторых условий алгоритм не позволяет выполнять эту функцию, — допустим, она не распознает некоторые формы записи (аналогичным образом дело обстоит и с человеком).

Отдельно стоит указать на то, что условие 'убеждения, которое квалифицируется как знание', имеет хорошие перспективы в качестве инструментального критерия, применимого к различным сферам человеческой деятельности в ходе социологического или социально-философского анализа. Мы можем говорить об убеждениях, которые квалифицируются как знание в отдельных науках (тем самым ориентируясь на представления, существующие среди ученых) или профессиях (анализируя рыночные ожидания от соискателей той или иной вакансии). Иначе говоря, помимо общей эпистемологии в рамках теории Келпа возможна также и специальная эпистемология (например, теория знания в физике, экономике, психологии и т.д.), которая может прояснять *фактические* эпистемические нормы в рамках отдельных сфер познания и деятельности.

Тем не менее такая теория компетенций (теория обоснованного убеждения) накладывает определенные ограничения на теорию знания: (1) поскольку эпистемическая надежность и добродетели уже 'защиты' в нее в виде понятия компетенции, то концепция знания уже не может быть релейабилитской или аретической (в противном случае знание и обоснованное убеждение будут просто

сводимы друг к другу); (2) поскольку в нормативном стандарте обоснованного убеждения уже учетные контекстуальные критерии имеющихся условий и релевантной предметной области, во избежание логического круга они также не могут быть использованы в составлении дальнейшей концепции знания; (3) самый же важный момент заключается в том, что из-за условия квалификации убеждения как знания теория компетенций Келпа всё-таки требует опоры на некоторую концепцию знания. Однако не менее важно и то, что пункт (3) легко поддается корректировке, поскольку знание — это вид эпистемического достижения или блага, то теоретически его можно заменить чем-то другим, скажем, более фундаментальным или инструментально подходящим. Например, нетрудно представить специальную теорию компетенций, которая бы включала условие 'убеждения, квалифицирующегося как мудрость'.

5. Теория сначала-знания Келпа. Выше была рассмотрена часть проекта Келпа, связанная с релейабилитизмом добродетели, перейдем же теперь к той ее части, которая включает в себя сначала-знание. *Норма знания* в сначала-знании релейабилитизме добродетелей формулируется следующим образом: субъект знает P , если и только если есть убеждение о том, что P уместно. Или, если сформулировать это немного иначе, субъект знает тогда и только тогда, когда обладает подходящим убеждением (*apt belief*).

Подходящим убеждение является только в том случае, если оно (1) успешно, (2) компетентно и (3) удовлетворяет ситуативным условиям проявления способности знать. Второе условие компетентного убеждения уже было описано нами выше. Первое условие успешного убеждения состоит в следующем: убеждение успешно тогда и только тогда, когда квалифицируется как знание. Что же касается третьего условия, то, согласно Келпу, проявление способности возможно лишь в подходящих ситуативных условиях. Для примера возьмем уже знакомую ситуацию, где машина не распознает форму записи, — её можно понять как невыполнение ситуативных условий; если моя задача в том, чтобы записать в программу уравнение и получить ответ, я должен буду учесть ситуативное условие — то, какие формы записи распознает программа.

Исходя из этого, Келп формулирует концепцию *исследовательского успеха*: субъект успешно продвигается в исследовании, если и только если он компетентен и удовлетворяет ситуативные условия проявляемой способности. На основании различий в определении задач и процесса исследования Келп выделяет обычную и собственную версию релейабилитизма добродетелей. Так, обычный подход ассоциирован с пониманием успешного исследования как достижения истинного мнения, где субъект достигает успеха исследования P в момент времени t , если и только если в момент времени t субъект обладает истинным мнением о P . Идея Келпа обладает схожей структурой: субъект достигает успеха в исследовании P в момент времени t , если и только если в момент времени t субъект обладает убеждением, основанном на осведомленности о P (т.е. убеждением, которое квалифицируется как знание) [5, р. 94].

Чтобы прояснить преимущество своего подхода, Келп предлагает следующий мысленный эксперимент. Частного детектива нанимают, чтобы расследовать, не является ли кто-то из семьи нанимателя убийцей его жены. У дяди нанимателя есть веские

мотивы, более того, он в этом сам признается. На данном основании детектив делает вывод, что член семьи нанимателя действительно является убийцей. После этого он уезжает в отпуск и не застает того момента, когда становится известно, что у дяди нанимателя есть неопровержимое алиби. Тем не менее истинным является то, что убийца — это член семьи нанимателя (просто это — не дядя). Таким образом, имеет место классический случай Геттиера, построенный на принципе дедуктивной замкнутости, где из ложного убеждения выводится истинное, а единственным обоснованием истинного убеждения служит сама операция вывода [16]. Получается, что истинное мнение, хоть и достигнуто, но очень слабо связано с успешностью исследования (расследования нашего детектива).

Для Келпа разрыв между истинным мнением и процессом исследования важен в контексте условия освобождения от обязательств, в соответствии с которым, если мы достигли успеха в исследовании или практике с понятной и простой целью, мы освобождаемся от всех обязательств по достижению этого успеха. В приведенном примере детектив освобождается от обязательств дальнейшего расследования либо ревизии расследования по той причине, что он достиг истинного мнения. По критерию же Келпа детектив не освобождается от обязательств, так как его убеждение не квалифицируется как знание, ведь оно не основано на осведомленности детектива о ситуации. Соответственно, в противовес веритизму некоторых эпистемологов добродетели [подробнее см.: 17], Келп показывает, что знание является более предпочтительным результатом исследования, нежели сама истина.

Другой аргумент Келпа против обычного релейабилитета добродетелей и редуцированного подхода к знанию связан с представлением о прогрессе в исследовании или реализации практик с простыми целями. Допустим, что t_1 — это момент времени, когда детектив считает убийцу дядей нанимателя. После отпуска в момент времени t_2 он возвращается домой, узнает о неопровержимом алиби дяди и отказывается от убеждения (пусть даже и истинного), что убийцей является член семьи. Согласно Келпу, между t_1 и t_2 имеется прогресс в исследовании — детектив приближается к знанию, ведь, исключая ложное решение, он уменьшает количество незнания о деле. Проблема с простой ориентации на истину заключается в контринтуитивном следствии, что в данном случае, наоборот, имеет место регресс (уход от истинного убеждения). Стоит заметить, что релейабилитисты вряд ли посчитали бы случайным истинное мнение успехом в исследовании, но, так или иначе, здесь возникает проблема, связанная с тем, что случайно истинное мнение в таком контексте, видимо, все же лучше, чем отсутствие мнения или ложное убеждение, являющиеся частью прогресса в исследовании (например, в момент времени t_2 детектив может считать, что убийца — это член семьи, поскольку нет свидетельств в пользу других людей, помимо дяди). Если же конечная цель исследования — это знание, то, как и ложное убеждение, так и отвергнутое случайно достигнутое истинное мнение, в отдельный момент времени могут быть ступенями в процессе познания, которое является восхождением к знанию.

Здесь аргумент Келпа можно дополнить. Представим себе шкалу, где 0 является началом исследования, а 1 — его успешным завершением, связанным с достижением знания либо неслучайного

истинного и компетентного убеждения. Например, в позиции 0,5 взгляд исследователя случайным образом является истинным убеждением. С обычной точки зрения, если исследователь обоснованно откажется от этого убеждения, он перейдет на позицию 0,4 или даже ниже (так как окажется на большем расстоянии от цели неслучайного истинного мнения); однако, с точки зрения сначала-знание релейабилитета добродетелей, — обоснованный отказ позволит ему перейти на позицию 0,6 или даже выше. В оптике Келпа любая позиция в диапазоне до 0,5 — это ситуация, в рамках которой способ формирования убеждений не соответствует имеющимся условиям, поскольку он не ведет к убеждениям, квалифицируемым как знание; следовательно, переход на позицию после 0,5 окажется действием, связанным с корректировкой способа формирования убеждений. Так, когда детектив после своего отпуска узнает, что важный элемент диспозиции в рамках общей картины преступления был им упущен (а именно факт наличия неопровержимого алиби дяди), он понимает, что способ, с помощью которого он не принял во внимание данный элемент, требует корректировки (например, в виде осознания того, что наличие мотива и признания не позволяют расследовать такого рода преступления в имеющихся условиях). Вполне представимо, что детектив может быть недостаточно компетентен, чтобы осуществить дальнейший прогресс в расследовании, скорректировав метод так, чтобы он лучше подходил данному делу и диспозиции. Это важный момент, поскольку он дополнительно проясняет идею эпистемических компетенций как способности совершать последующие шаги в исследовании, реагируя на необходимость корректировки способа исследования в сторону более подходящего.

Эпистемология сначала-знания — это действительно хорошая основа для теории компетенций Келпа, так как она позволяет выстроить теорию познания и достижения хорошего мышления, которая избегает, как минимум, многих случаев Геттиера. Стоит заметить, что в рассуждениях о целях исследования прослеживается критика взглядов, в явном виде представленных у Стивена Хезерингтона с его идеей минимального знания [11] или у Криспина Сартвелла, предложившего понимать знание просто как истинное мнение, которое является для нас целью исследования⁶ [19]. Следовательно, не важно, как прошло исследование, если цель достигнута. Аргумент Келпа показывает, что достижение истинного мнения не всегда будет достойным завершением исследования и достижением его цели. Более того, вполне возможно, оно никогда и не будет нами достигнуто, ведь знание, подразумевающее настройку способа формирования убеждений, а также прогресс в исследовании, является более реалистичной и отвечающей нашим ожиданиям эпистемической нормой, ориентиром академического или научного исследования. Помимо же прочего, в проекте Келпа соблюдается принцип похвалы (credit) — особенность знания и других эпистемических достижений в том, что они заслуживают похвалы⁷. С точки зрения Сосы, эпистемологию добродетелей в целом можно сформулировать как подход, в соответствии с которым знание — это успешное достижение, достойное похвалы и доверия [8, р. 86–90].

Вероятно, в какой-то степени исследование, ориентированное на истинное мнение, может получить защиту. Например, представим себе ситуацию

из фильмов ужасов, когда человек просыпается в зловещем незнакомом помещении, и его цель — покинуть это помещение. С одной стороны, здесь действие (покинуть помещение) напрямую связано с исследованием (поиском выхода); с другой стороны, если истинное мнение будет достигнуто случайно (человек просто наугад выбьет дверь, которая ведет на улицу), то подобный результат будет вполне удовлетворительным результатом исследования в рамках столь экстремальной ситуации. В подобной ситуации нельзя было бы говорить о знании, однако трудно считать такой вариант развития событий неудовлетворительным. Собственно, здесь мы снова возвращаемся к мысли Сократа о том, что в смысле простых практических нужд истинное мнение может быть столь же полезно, как и знание. Однако в тех случаях, когда мы говорим не только о науке, но хотя бы о повторяющихся практиках (допустим, человека из нашего примера похищают каждый месяц и он вынужден регулярно выбираться из зловещих зданий), то именно в них систематичность и точность знания становится очевидным преимуществом. Успешное действие в экстремальной ситуации трудно было бы назвать регулярным, а значит, и эпистемическая сторона здесь не так важна, Келпа же и эпистемологов добродетели интересуют регулярные действия. Поэтому, если речь идет не о достижении единичного успеха, для нас важна связь успешных поступков с хорошим мышлением и убеждениями, которые его составляют⁸.

6. Заключение. Когда мы говорим о 'гибридных эпистемологиях', то интуитивно представляем себе сочетание, как минимум, двух подходов, в котором 'гибрид' сохраняет их узнаваемые черты, но при этом не может быть с легкостью разложен на отдельные составляющие. Сначала-знание релейабилитизма добродетелей Келпа представляет собой, на наш взгляд, иной случай: здесь скорее мы имеем дело с двумя вполне различимыми частями конструкции — релейабилитистской теорией компетенций и методологией сначала-знания. Стоит заметить, что конструктивная метафора в этом случае не должна пониматься как указание на тот факт, что эту конструкцию легко разрушить, просто разложив на части и материалы, из которых она собрана. Иначе говоря, приведенный выше анализ не стоит интерпретировать как критику. Наоборот, на наш взгляд, именно в таком виде конструкция Келпа является устойчивой, хотя и бросается в глаза, что ее основа — это теория компетенций, в то время как сначала-знание выступает важным дополнением. Поэтому, как нам кажется, теорию компетенций Келпа следует рассматривать в качестве самостоятельного подхода, имеющего инструментальные и прагматические преимущества даже вне опоры на сначала-знание Уильямсона.

И хотя сам Келп считает, что объясняет понятие обоснованного убеждения (компетенций) через понятие знания, что формально верно, не стоит забывать — в его анализе значительную роль играет способ формирования убеждений и подходящая способность. Важно, конечно, что компетентное убеждение квалифицируется как знание, но, если взглянуть на этот критерий структурно, речь здесь ведется лишь о том, что убеждение должно быть квалифицировано в соответствии с определенным высоким эпистемическим стандартом. Эпистемология Келпа предлагает нам имплицитный анализ знания как наиболее высокого эпистемического стандарта, определяющего качество убеждения, ориентиру-

ванного на практические и исследовательские цели. В результате общая структура теории компетенций сохраняется даже, если мы выбираем какой-либо альтернативный стандарт⁹. Например, если мы заменим знание на истину, то просто получим вариант обычного релейабилитизма добродетели или даже своего рода редуцированное понимание знания (не являющиеся круговым по отношению к теории компетенций).

Отличительной чертой рассматриваемого нами подхода является то, что он изначально не основывается на интуиции сначала-мнения. Об эпистемологии добродетели часто говорят как о важном методологическом сдвиге, который обозначил переход от вопросов о природе знания к вопросам о познавательных способностях субъекта. Для эпистемологии добродетели не так принципиален выбор между сначала-мнением и сначала-знанием. Она сохраняет свое значение независимо от вопроса о том, какая из этих двух концепций является базовой для эпистемологии. Интеллектуальная добродетель (чем бы она ни была) важна в обоих случаях.

Таким образом, идея сочетания различных эпистемологических подходов может стать хорошей основой для многих весьма удачных проектов, — и чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на преимущества сначала-знания релейабилитизма добродетели, среди которых особого внимания заслуживает самобытная теория компетенций Келпа, равно как и его аргументация в пользу понимания знания как главной цели любого нашего исследования.

Примечания

¹ Неименной подход предлагается, например, в рамках 'новой истории' Джулиана Дютана, где он предлагает рассматривать историю эпистемологии до появления проблемы Геттиера как историю классического инфалибилитизма и пробабилитизма [1]. Подробнее данная идея рассматривалась нами в рамках отдельной статьи, посвященной вопросу традиционности концепции знания как истинного и обоснованного мнения [2].

² Отдельно отметим, что, хотя Хезерингтон и относил релейабилитизм Голдмана к настоящему эпистемологии, фактически он одновременно относит его и к будущему, поскольку идея надлежащей функции описывается как развитие идеи эпистемической надежности, а сам впоследствии релейабилитизм стал частью эпистемологии добродетелей [4, р. 22–23].

³ Как указывает сам Келп, существуют содержательно схожие позиции, но они формируются в несколько иной терминологии [5, р. 103–119].

⁴ В данном случае имеется в виду экстернализм в широком смысле, как обозначение эпистемологических теорий, которые отстаивают позицию о том, что некоторые внешние по отношению к познающему субъекту факторы играют решающую роль в конституировании эпистемических феноменов (например, таких как знание, обоснование или свидетельство).

⁵ Эпистемический градуализм — это представление, согласно которому существуют различные степени знания. В частности, Хезерингтон исходит из того, что просто истинное убеждение — это вид минимального знания, тогда как в целом существуют его градации в зависимости от степени обоснования [11, р. 143–152]. Поскольку знание — не единственный эпистемический феномен, который можно понимать в градациях и степенях, то в широком смысле эпистемический градуализм является подходом, предполагающим градацию одного и того же познавательного явления.

⁶ Подобную позицию принято возводить к *Тезету* Платона [18].

⁷ В данном контексте можно также выявить и определенные параллели с мыслями Томаса Куна о научных революциях: нормальная наука достигает истин, позволяет сложиться истинным убеждениям, тогда как смещения в парадигмах возникают в связи с теориями, которые изменяют способ формирования убеждений, претендуя на исследовательский прогресс в смысле приращения знания. Применимы данные параллели и к исследовательским программам Лакатоса. Ядро теории здесь будет представлено положениями, которые мы принимаем как истинные убеждения, кольцо же вспомогательных теорий потребует некоторой находчивости в области способов формирования убеждений и обретения знания.

⁸ Впрочем, даже в случаях экстремальных и сиюминутных действий можно было бы привести довод о том, что в достижении подобных случайных истин мы все же не обходимся без помощи фонового знания.

⁹ Нет никакой сложности, с тем чтобы представить возможные варианты такого стандарта, им вполне могло бы стать убеждение, квалифицируемое либо как истинное, либо как достоверное, либо как практически применимое.

Библиографический список

- Dutant J. The Legend of the Justified True Belief Analysis // *Philosophical Perspectives*. 2015. Vol. 29, № 1. P. 95–145. DOI: 10.1111/phpe.12061.
- Кардаш А. М. Является ли традиционной концепция знания как истинного и обоснованного мнения? // *Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность*. 2022. Т. 7, № 2. С. 84–94. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-84-94.
- Hetherington S. Epistemology's Future Here and Now // *Epistemology: The Key Thinkers* / Ed. S. Hetherington. London: Bloomsbury Publishing, 2012. P. 230–241.
- Hetherington S. Epistemology's Past Here and Now // *Epistemology: The Key Thinkers* / Ed. S. Hetherington. London: Bloomsbury Publishing, 2012. P. 1–29.
- Kelp C. *Good Thinking: A Knowledge First Virtue Epistemology*. New York: Routledge, 2019. 146 p.
- Kelp C. Knowledge-First Virtue Epistemology // *Knowledge First: Approaches in Epistemology and Mind* / Eds. J. A. Carter, E. C. Gordon, B. Jarvis. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 223–246.
- Williamson T. *Knowledge and Its Limits*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 352 p.
- Sosa E. *Knowing Full Well*. Princeton: Princeton University Press, 2011. 176 p.
- Kelp C. How To Be a Reliabilist // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2017. Vol. 98, № 2. P. 346–374. DOI: 10.1111/phpr.12438.
- Платон. Менон / пер. с древнегреч. А. Ошерова // *Собрание сочинений*. В 4 т. Москва: Мысль, 1990. Т. 1. С. 575–612.
- Hetherington S. *Good Knowledge, Bad Knowledge: On Two Dogmas of Epistemology*. Oxford: Oxford University Press, 2001. 209 p.
- Поппер К. *Объективное знание: Эволюционный подход*. Москва: УРСС; ЛЕНАНД, 2022. 384 с.
- Патнэм Х. *Философия Сознания*. Москва: Дом Интеллектуальной Книги, 1999. 240 с.
- Деннет Д. *Насосы интуиции и другие инструменты мышления*. Москва: АСТ; CORPUS, 2019. 576 с.
- Zagzebski L. *Recovering Understanding // Knowledge, Truth, and Duty: Essays on Epistemic Justification, Responsibility, and Virtue* / Ed. M. Steup. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 235–251.
- Turri J. In Gettier's Wake // *Epistemology: The Key Thinkers* / Ed. S. Hetherington. London: Bloomsbury Publishing, 2012. P. 214–230.
- Pritchard D. Veritism and the Goal of Inquiry // *Philosophia*. 2021. Vol. 49. № 4. P. 1347–1359. DOI: 10.1007/s11406-021-00325-7.
- Платон. Теэтет / пер. с древнегреч. Т. В. Васильевой // *Собрание сочинений*. В 4 т. Москва: Мысль, 1993. Т. 2. С. 192–274.
- Sartwell C. Knowledge Is Merely True Belief // *American Philosophical Quarterly*. 1991. Vol. 28, № 2. P. 157–165.

КАРДАШ Алексей Михайлович, аспирант Института философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.
SPIN-код: 8810-5990
AuthorID (РИНЦ): 1145532
ORCID: 0000-0002-9683-0601
ResearcherID: AGN-9675-2022
Адрес для переписки: krdwalex@gmail.com

Для цитирования

Кардаш А. М. Эпистемология сначала-знания и релейабиллизм добродетелей Кристофа Келпа // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2023. Т. 8, № 1. С. 110–117. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-110-117.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023 г.

© А. М. Кардаш

A KNOWLEDGE FIRST VIRTUE RELIABILISM OF CHRISTOPH KELP

This article examines Christoph Kelp's project of epistemology, which combines the approaches of Timothy Williamson's knowledge-first approach and Ernest Sosa's virtue reliabilism. Arguments are given in favour of the position that Kelp's theory of competence is a quite productive and substantially self-contained epistemological concept. It allows to construct special epistemologies and to analyse the competence of non-human actors.

Keywords: knowledge-first epistemology, virtue epistemology, reliabilism, Christoph Kelp, competence theory.

References

1. Dutant J. The Legend of the Justified True Belief Analysis // *Philosophical Perspectives*. 2015. Vol. 29, no. 1. P. 95–145. DOI: 10.1111/phpe.12061. (In Engl.).
2. Kardash A. M. Yavlyayetsya li traditsionnoy kontseptsii znaniya kak istinnogo i obosnovannogo mneniya? [Is Justified True Belief Traditional Analysis of Knowledge?] // *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2022. Vol. 7, no. 2. P. 84–94. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-84-94. (In Russ.).
3. Hetherington S. Epistemology's Future Here and Now // *Epistemology: The Key Thinkers* / Ed. S. Hetherington. London: Bloomsbury Publishing, 2012. P. 230–241. (In Engl.).
4. Hetherington S. Epistemology's Past Here and Now // *Epistemology: The Key Thinkers* / Ed. S. Hetherington. London: Bloomsbury Publishing, 2012. P. 1–29. (In Engl.).
5. Kelp C. *Good Thinking: A Knowledge First Virtue Epistemology*. New York: Routledge, 2019. 146 p. (In Engl.).
6. Kelp C. Knowledge-First Virtue Epistemology // *Knowledge First: Approaches in Epistemology and Mind* / Eds. J. A. Carter, E. C. Gordon, B. Jarvis. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 223–246. (In Engl.).
7. Williamson T. *Knowledge and Its Limits*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 352 p. (In Engl.).
8. Sosa E. *Knowing Full Well*. Princeton: Princeton University Press, 2011. 176 p. (In Engl.).
9. Kelp C. How To Be a Reliabilist // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2017. Vol. 98, no. 2. P. 346–374. DOI: 10.1111/phpr.12438. (In Engl.).
10. Plato. Menon [Meno] / trans. from Anc. Greek by A. OsheroV // *Sobraniye sochineniy. V 4 t. [Collected Works. In 4 vols.]*. Moscow, 1990. Vol. 1. P. 575–612. (In Russ.).
11. Hetherington S. Good Knowledge, Bad Knowledge: On Two Dogmas of Epistemology. Oxford: Oxford University Press, 2001. 209 p. (In Engl.).
12. Popper K. Ob'yektivnoye znanie: Evolyutsionnyy podkhod [Objective Knowledge: An Evolutionary Approach]. Moscow, 2022. 384 p. (In Russ.).
13. Putnam H. *Filosofiya Soznaniya [Philosophy of Mind]*. Moscow, 1999. 240 p. (In Russ.).
14. Dennett D. D. *Nasosy intuitsii i drugiye instrumenty myshleniya [Intuition Pumps and Other Tools for Thinking]*. Moscow: AST; CORPUS, 2019. 576 p. (In Russ.).
15. Zagzebski L. *Recovering Understanding // Knowledge, Truth, and Duty: Essays on Epistemic Justification, Responsibility, and Virtue* / Ed. M. Steup. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 235–251. (In Engl.).
16. Turri J. In Gettier's Wake // *Epistemology: The Key Thinkers* / Ed. S. Hetherington. London: Bloomsbury Publishing, 2012. P. 214–230. (In Engl.).
17. Pritchard D. Veritism and the Goal of Inquiry // *Philosophia*. 2021. Vol. 49, no. 4. P. 1347–1359. DOI: 10.1007/s11406-021-00325-7. (In Engl.).
18. Plato. Teetet [Theaetetus] / trans. from Anc. Greek by T. V. Vasilyeva // *Sobraniye sochineniy. V 4 t. [Collected Works. In 4 vols.]*. Moscow, 1993. Vol. 2. P. 192–274. (In Russ.).
18. Sartwell C. Knowledge Is Merely True Belief // *American Philosophical Quarterly*. 1991. Vol. 28, no. 2. P. 157–165. (In Engl.).

KARDASH Aleksey Mikhaylovich, Postgraduate,
Institute of Philosophy of the National Academy of
Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
SPIN-code: 8810-5990
AuthorID (RSCI): 1145532
ORCID: 0000-0002-9683-0601
ResearcherID: AGN-9675-2022
Correspondence address: krdwalexei@gmail.com

For citations

Kardash A. M. A knowledge first virtue reliabilism of Christoph Kelp // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 110–117. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-110-117.

Received January 10, 2023.
© A. M. Kardash